ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Речевая маркированность и регистровая вариативность персонажей в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»

Горбенко Е. С.

Аннотация. Цель исследования – установить, как маркированность и регистровая вариативность реплик персонажей конструируют систему прямой речи героев в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» на английском языке. Теоретическую основу работы составляет системно-функциональная модель регистра, описывающая речь через ситуативные переменные. В работе выявляются различные маркеры прямой речи персонажей и устанавливаются режимы регистровых переключений в речи героев, определяются функции маркированности и регистровой вариативности в организации повествования. Вариативность маркированных элементов описывает систему речевых выборов и регистровых сдвигов персонажей. Научная новизна работы состоит в том, что впервые предлагается трехуровневая система маркированности прямой речи в трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», а также устанавливается, что вариативность регистров прямой речи выступает как взаимодополняющий механизм речевой характеризации в контексте романа. Полученные результаты показали, что уровень маркированности прямой речи коррелирует с типом персонажа, вариативность, в свою очередь, реализуется на двух уровнях и выполняет комплекс функций в организации повествования романа «Властелин колец».

EN

Speech markedness and register variation of characters in J. R. R. Tolkien's novel "The Lord of the Rings"

E. S. Gorbenko

Abstract. The study aims to establish how the markedness and register variation of characters' utterances construct the system of direct speech in J. R. R. Tolkien's novel "The Lord of the Rings" in English. The theoretical framework of the study is the systemic-functional model of register, which describes speech through situational variables. The study identifies various markers of characters' direct speech, establishes the patterns of register shifts in the characters' speech, and determines the functions of markedness and register variation in the organization of the narrative. The variation of marked elements describes the system of characters' speech choices and register shifts. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, a three-level system of direct speech markedness in J. R. R. Tolkien's "The Lord of the Rings" trilogy is proposed, and it is established that register variation in direct speech serves as a complementary mechanism of speech characterization in the context of the novel. The findings demonstrate that the degree of markedness of direct speech correlates with the character type, while variation, in turn, operates on two levels and performs a range of functions in the organization of the narrative of "The Lord of the Rings".

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки подхода к анализу речевой характеризации персонажей эпического фэнтези, где автор конструирует сообщества с собственной социальной и культурной иерархией. Несмотря на то, что изучение отдельных фрагментов речи и дискурса в рамках текстов жанра фэнтези как лингвистическое исследование имеет длительную традицию, применительно к роману «Властелин колец» такие исследования остаются фрагментарными и не подразумевают рассмотрения реплик по трехуровневой модели. Обращение к совокупности маркеров прямой речи позволяет определить, каким образом речевой выбор персонажа соотносится с ситуацией общения. Исследование проблемы значимо для описания сложных, динамически и контекстуально-обусловленных форм коммуникации, в том числе в текстах, где отношение между ситуацией общения и языковым выбором вариантов определяется задачами повествования.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260559

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Разграничить содержание понятий «маркированность» и «вариативность» применительно к прямой речи в художественном тексте.

2. Установить языковые маркеры прямой речи в романе «Властелин колец» на английском языке как средства реализации ситуативных переменных.

3. Выявить режимы регистровой вариативности в прямой речи персонажей романа «Властелин колец» на английском языке.

4. Определить функции маркированности и вариативности прямой речи в организации текста романа «Властелин колец» на английском языке с учетом их метафункциональной соотнесенности.

Материалом исследования послужил роман Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» на английском языке, а именно более 120 речевых фрагментов героев, репрезентирующих различные типы маркированности прямой речи. В работе анализируются языковые маркеры прямой речи и различные стратегии регистровых переключений, реализуемые автором через прямую речь героев и выводимые из контекста повествования.

Теоретическая база исследования опирается на работы по теории маркированности (Трубецкой, 2000; Якобсон, 1985; Мельчук, 1997), теории вариативности языковых единиц (Halliday, Hasan, 1989; Кожина, Дускаева, Салимовский, 2016), концепции репрезентации чужой речи в художественном тексте (Leech, Short, 2007; Simpson, 1993) и в области стилистики (Арнольд, 1981).

Для проведения исследования были применены следующие методы: метод лингвостилистического анализа при выявлении и систематизации характерных регистров прямой речи на разных уровнях языковой системы и элементы дискурсивного анализа для определения стратегий речевого поведения персонажей в различных коммуникативных ситуациях.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее результатов в курсах по стилистике английского языка и для лингвистического анализа текста.

Обсуждение и результаты

В современной лингвистике утвердилось представление о том, что способы репрезентации чужой речи образуют не бинарную оппозицию (прямая и косвенная речь), а градуальный континуум, включающий свободную прямую, свободную косвенную и различные переходные формы речи (Vandelanotte, 2004). В этой связи особую актуальность приобретает изучение маркированности как свойства языковых единиц, которое сигнализирует об их отклонении от нейтрального стандарта или о наличии дополнительных семантических признаков (Трубецкой, 2000; Якобсон, 1985). Вариативность как фундаментальное свойство языковой системы (Солнцев, 1984) проявляется в художественном тексте в форме речевой дифференциации персонажей. Прямая речь в этом контексте выступает наиболее очевидным маркером индивидуальных, социальных и культурных характеристик говорящего. Несмотря на значительное количество работ, посвященных стилистике Дж. Р. Р. Толкина (Shippey, 2001; Kullmann, Siepmann, 2021), вопросы маркированности прямой речи в его произведениях не становились предметом специального системного анализа. Роман «Властелин колец» также представляет собой уникальный материал для изучения вариативности речи персонажей; Дж. Р. Р. Толкин сознательно конструировал речевые портреты героев, используя регистровые переключения. Системное описание маркированности прямой речи и ее вариативности позволяет уточнить представления о механизмах речевой характеризации в эпическом повествовании фэнтези текста.

Понятие маркированности прошло в лингвистике несколько этапов концептуальной эволюции. Первоначально оно было введено Н. С. Трубецким в рамках Пражской лингвистической школы для описания привативных оппозиций в фонологии: маркированный член оппозиции обладает дополнительным признаком по сравнению с немаркированным (Трубецкой, 2000). Теория маркированности была распространена Р. О. Якобсоном в рамках морфологии и семантики. Исследователь характеризует маркированные единицы не только как единицы с большей семантической детерминированностью, но и как единицы с большей удаленностью от смыслового ядра (Якобсон, 1985, с. 210). В дальнейшем Дж. Гринберг переосмыслил понятие маркированности. Маркированность превратилась из системно-внутреннего свойства конкретных языков в универсальную характеристику функционально определяемых грамматических категорий. Теперь маркированность стала определяться как квази-статистический показатель «нормальности», коррелирующий с текстовой частотой и устойчивостью к историческим изменениям (Greenberg, 1966; Croft, 1996). Анализируя работу Дж. Гринберга, исследователь У. Крофт отмечает, что такое переопределение было существенным. Если для Пражской школы критерием была нейтрализация, то для Дж. Гринберга им стала текстовая частота (Croft, 1996). При этом маркированность как термин приобрел множественность широко-расходящихся смыслов. Современные когнитивные исследования уточняют, что маркированность всегда локальна: она не является универсальным свойством языковой единицы, а определяется контекстом употребления (Kosheleva, Janda, 2023). Для анализа прямой речи такое положение существенно: маркированность реплики не абсолютна, а относительна. Она определяется тем, на фоне какой нормы рассматривается реплика. В современных регистровых исследованиях маркированность также рассматривается как компонент регистрового анализа, связанных с выдвижением тех или иных языковых средств на фоне нормы (Liu, 2022).

В настоящей работе термин регистр понимается вслед за концепцией М. А. К. Хэллидея в рамках системно-функциональной лингвистики. Регистр – это ситуативно обусловленная конфигурация семантических выборов:

поля, тональности и способа *(field, toner, mode)*. Таким образом, учитываются параметры социальной деятельности, отношений участников коммуникации и роли языка как канала коммуникации. При этом каждой переменной соответствует определенная метафункция языка. Поле реализуется через идеационную метафункцию, тональность – через межличностную, а способ –через текстуальную. Важно отметить, что регистр у М. А. К. Хэллидея – это системное отношение, где каждая категория отвечает за определенный аспект семантической организации текста. Из этого следует принципиальное разграничение. Отдельные языковые средства не являются доказательством регистровой принадлежности, они выступают маркерами, функция которых определяется в контексте, при этом одна и та же конструкция способна обслуживать разные переменные в зависимости от обстоятельств (Halliday, Hasan, 1989). Применение такой модели требует еще одного уточнения. В естественной коммуникации эти параметры заданы самой ситуацией общения, но в художественном тексте они сконструированы автором. Поэтому параметры регистра выявляются на основании изображенной ситуации, опираясь на контекст произведения. Такое понимание позволяет рассматривать регистровые переключения в речи персонажей как функционально маркированные. В отечественной лингвистики анализ способа выражения различных стилистических, смысловых и прагматических нюансов также нашел отражение в работах И. А. Мельчука. Исследователь понимал их как отдельные категории, выходящие за рамки нейтрального общения. В толково-комбинаторном словаре он отдельно описал дополнительные смысловые оттенки, которые появляются у слов в рамках той или иной коммуникативной деятельности (Мельчук, 1997). Введя понятие лексических функций, он понимал маркированность как проявление того, каким образом язык кодирует не только денотат, но и субъективную, прагматическую сторону высказывания. О маркированности как о немонолитной категории писали Дж. Лич и М. Шорт в классификации способов передачи чужой речи. По мнению исследователей, прямая речь занимает центральное положение в шкале «интерференции» нарратора. Она представляет собой норму, относительно которой определяются другие формы, и не является монолитной, так как в ее пределах возможны интерференции нарратора (Leech, Short, 2007). П. Симпсон исходит из того, что язык представляет собой проекцию позиций и перспектив, способ передачи коммуникативных отношений и допущений. Рассматривая то, как в художественном тексте вводится голос персонажа, П. Симпсон опирается преимущественно на типологию Дж. Лича и М. Шорта. Речь идет о шкале способов передачи речи от прямой, где голос персонажа маркирован максимально четко, через косвенную, где доминирует рассказчик, до несобственно-прямой, создающей двухголосие (Simpson, 1993). Презентация чужой речи у П. Симпсона – это не изолированная стилистическая техника, а скорее инструмент конструирования точки зрения, через который автор кодирует свои и чужие убеждения, позволяя читателю принять позицию персонажа или сохранить дистанцию по отношению к ней. В настоящем исследовании под маркированностью понимается совокупность языковых средств, сигнализирующих об отклонении от нейтрального, нулевого способа выражения; применительно к прямой речи маркированным мы считаем те элементы, которые выделяют реплику персонажа на фоне нейтрального повествования или стандартной речевой нормы (Арнольд, 1981, с. 120).

Это подводит к вопросу о том, как в лингвистике осмысляется понятие вариативности – свойства, лежащего в основе речевой дифференциации. Понятие вариативности прошло в лингвистике несколько этапов переосмысления, где его содержание существенно менялось. Так, в отечественной традиции вариативность понималась, во-первых, как характеристика любой языковой изменчивости и модификации, которая может быть результатом эволюции или использования разных средств для обозначения сходных явлений; во-вторых, как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии, где каждому варианту сопутствует инвариант (Солнцев, 1984). При таком подходе вариативность рассматривается как онтологическое свойство языковой системы, которое обеспечивает ее адаптивность (Кожина, Дускаева, Салимовский, 2016, с. 89). Современные отечественные исследователи утверждают, что вариативность не является отклонением от нормы: варианты сохраняют общее ядро (инвариант), позволяющие идентифицировать их именно как варианты нормы (Дорофеев, 2023, с. 210). В рамках Пражского лингвистического кружка вариативность трактуется функционально: язык представляет собой совокупность функциональных вариантов, выбор которых зависит от цели коммуникации и контекста. В дальнейшем У. Лабов и его последователи в рамках вариационистской социолингвистики отказались от трактовки вариативности как свободного явления и понимали ее как упорядоченную гетерогенность, системно организованную и коррелирующую с социальными и стилистическими факторами (Weinreich, Labov, Herzog, 1968). У. Лабов вводит понятие «лингвистической переменной» – структурной единицы, которая включает набор вариантов, получающих реализацию под влиянием языкового и социального контекста. При таком подходе «свободное варьирование» рассматривается не как отсутствие системы, а как обозначение того, что еще не получило объяснения (Weber, Kopf, 2023). Существенно, что регистр речи при этом также не является монолитной категорией. Даже внутри устоявшихся регистровых категорий наблюдается значительная лингвистическая вариативность, обусловленная ситуативными параметрами. Это позволяет рассматривать переключения регистра в речи персонажей не как аномалию, а как реализацию функционального соответствия между коммуникативной ситуацией и конкретными языковыми средствами говорящих. Кросс-лингвистические исследования грамматической вариативности показывают, что в ситуации тесного контакта именно формальные варианты чаще используются для сигнализации групповой идентичности (Mansfield, Leslie-O'Neil, Li, 2023). Это согласуется с тем, что в анализируемом романе речевые формы отдельных народов формируют групповую принадлежность. Так, в современной лингвистике утвердилось представление о вариативности как о системном, функционально мотивированном свойстве языка; именно в этом качестве, как системная дифференциация речевых средств, подчиненная задачам речевой характеризации, вариативность рассматривается в данном исследовании.

Обратимся к персонажам романа, находящимся вне социума по замыслу автора. Несмотря на то, что прямая речь в «Властелине колец» организована преимущественно по традиционной модели: реплика заключается в кавычки, вводится глаголом речи и оформляется с использованием стандартной пунктуации, в ряде случаев Дж. Р. Р. Толкин прибегает к графической маркированности, которая может проявляться в отсутствии кавычек, парцелляции или изменении порядка вводящей конструкции. Наиболее показательным примером графической маркированности является оформление речи Голлума, где автор отказывается от стандартных кавычек, что визуально отражает расщепление сознания персонажа:

Don't ask us! Don't ask us! He's a liar, and a wicked master. Don't listen to it! (Tolkien, 2010, p. 621). / *Не спрашивай нас! Не спрашивай нас! Он лжец и злой хозяин. Не слушай его!* (Толкин, 2018, с. 594).

Использование местоимения *us* в само-референции Голлума и эпизодичное графическое выделение этого местоимения в его речи создают эффект раздвоения личности, где «мы» обозначает сосуществование Голлума и Смеагола или Голлума и кольца. Местоимение множественного числа в речи персонажа становится маркером его внутренней расщеплённости. Повтор *Don't ask us!* усиливает настойчивость говорящего, а отсутствие кавычек на графическом уровне и эпизодическое выделение реплик персонажа курсивом выполняет функцию визуальной рамки, отделяющей реплики от основного повествовательного потока. В терминах модели М. А. К. Хэллидея графическая маркированность здесь не заменяет поле и способ, однако радикально меняет тональность. Расщепление говорящего делает отношения внутри самого персонажа ассиметричными, реализуя межличностную метафункцию. Регистровый сдвиг локализован на тональности при стабильности поля и способа.

Другим примером графической маркированности является речь древних существ, Тома Бомбадила и Древоборода, которая часто оформляется с использованием ритмической организации, характерной для поэтической речи:

Hey dol! merry dol! ring a don-dillo! / Ring a dong! hop along! Fal-lal the willow! / Tom Bom, jolly Tom, Tom Bombadillo! (Tolkien, 2010, p. 142). / *Эй дол! весел дол! динь дон дилло! / Динь дон! скок-поскок! фал лал верба! / Том Бом, весёлый Том, Том Бомбадилло!* (Толкин, 2018, с. 132).

В данном случае можно наблюдать графическую и фонетическую маркированность, реализуемую через особую ритмическую организацию, которая визуально выделяет речь Тома Бомбадила на фоне повествования. Звукоподражательные элементы, ассонанс (*dol, dong, hop along, Tom Bom*) и аллитерация (*dol, dillo, fal lal, Bombadillo*), а также внутренняя рифма создают эффект, противоположный стандартному диалогическому оформлению: реплика воспринимается не как коммуникативный акт, а как перформативное высказывание и акт пения. Запись реплики с переносом строк и визуальным членением сигнализирует читателю о стихотворном отрывке. Наличие восклицательных знаков в конце каждой строки создают графический ритм, который наравне с фонетическим свидетельствует о песенном припеве. Дефис в сочетаниях *fal-lal* и *ring a dong-dillo* членит звуковой поток на квази-слоги, имитируя артикуляцию пения. С точки зрения модели регистра речь героя обнаруживает сдвиг переменной способа. Ритмическая и графическая организация переводит высказывание из модуса диалогической речи в модус перформативного пения, при этом текстуальная метафункция здесь выходит на первый план.

Аналогичным образом маркирована речь Древоборода, однако она уже сочетает графическую ритмическую организацию с архаичной лексикой и повторами:

"Hoom, hom! Here we come with a boom, here we come at last!" called Treebeard... "Come, join the Moot! We are off. We are off to Isengard!" / "To Isengard!" the Ents cried in many voices. / "To Isengard!" (Tolkien, 2010, p. 485). / *«Хум, хом! Вот идём мы с бумом, вот идём наконец! – крикнул Древобород... –Присоединяйтесь к Совету! Мы уходим. Мы уходим к Изенгарду! / К Изенгарду! – закричали энты многими голосами. / К Изенгарду!»* (Толкин, 2018, с. 465).

В данном случае маркированность реализуется на нескольких уровнях одновременно: графически создается через повтор восклицательной реплики *To Isengard!*, который создаёт эффект нарастания и коллективного звучания; фонетически – через аллитерацию (*Hoom, hom... boom*, *come... come*) и звукоподражание *boom*; лексически она передана через архаичное *Moot* (собрание). Повтор реплики в прямой речи разных персонажей (Древоборода и энтов) размывает границу между индивидуальным и коллективным голосом, что отражает природу энтов как коллективного существа. Также в данном примере совмещаются переменные способа и тональности. Повтор реплик «размывает» границу индивидуальной и коллективной речи. Коллективное звучание формирует единство говорящего. Звукоподражания выполняют идеационную метафункцию.

Наиболее системной формой маркированности прямой речи в романе является лексико-грамматическая архаизация, которая служит инструментом речевой характеристики героев, являющихся носителями древней мудрости, и участвует в создании исторического колорита. Дж. Р. Р. Толкин последовательно использует архаичные формы местоимений (*thou, thee, thy, thine*), глагольные формы возвышенного регистра (*art, shalt, dost*) и лексические архаизмы (*cometh, wrought, dwells*) в речи персонажей высокого статуса: эльфов, Арагорна и Гэндальфа в определенных ситуациях. Показательным примером является речь эльфийки Галадриэль:

For the time will soon come when thou must depart, and thy road lies into darkness. Yet if thou dost not fail, then a light shall be kindled in the darkness, and the shadow shall pass away (Tolkien, 2010, p. 371). / *Ибо скоро придёт время, когда ты должна будешь уйти, и дорога твоя лежит во тьму. Но если ты не отступишь, тогда свет возгорится во тьме, и тень исчезнет* (Толкин, 2018, с. 344).

Использование архаичного местоимения *thou* и соответствующих глагольных форм (*shalt*, *dost*) маркирует речь Галадриэль как принадлежащую к высокому, древнему регистру, противопоставленному бытовому языку хоббитов. Архаизация создаёт дистанцию между эльфийской культурой и культурой Шира, подчёркивая

вневременной характер эльфийского знания. Регистровый сдвиг в речи героини прежде всего затрагивает тональность. Архаичные формы сигнализируют об асимметрии ролей и дистанции между культурами эльфов и хоббитов. Архаизация здесь становится маркером регистровой позиции персонажа, формируя социальную иерархию в рамках ситуации общения.

Аналогичным образом маркирована речь Арагорна, например, в те моменты романа, когда он выступает в роли «наследника» королевского рода: *In this elvish sheath dwells the Blade that was Broken and has been made again. Telchar first wrought it in the deeps of time. Death shall come to any man that draws Elendil's sword save Elendil's heir* (Tolkien, 2010, p. 503). / *В этих эльфийских ножнах покоится Клинок, что был Сломан и заново выкован. Тельхар впервые выковал его в глубинах времени. Смерть придёт к любому, кто извлечёт меч Элендила, кроме наследника Элендил* (Толкин, 2018, с. 491).

Инверсия в данном отрывке *is this elvish sheath dwells* и метафора *in the deeps of time* создают эффект архаического стиля, который маркирует речь Арагорна как речь наследника в рамках повествования. Также на лексическом уровне можно увидеть и другие архаичные и поэтические единицы: *wrought* (архаичный вариант *worked*), *save* в значении *кроме*, устойчивый фразеологизм с исторически библейской коннотацией *lay hand on*. На семантико-стилистическом уровне наблюдается метафорическая номинация семы «меч», автор подбирает к нему глагол *dwells*, олицетворяя его, а также пассивный залог *broken and made again*, что соотносит высказывание с мифологической теорией о перекованном мече. Реплика героя также функционирует как акт запрета-предубеждения в рамках прагматики, так как фраза построена по модели заклятия–с иллокутивной целью установить правило или закон.

Вариативность прямой речи в романе проявляется не только в различиях между персонажами, но и в способности отдельных героев переключать регистр в зависимости от ситуации. Наиболее ярким примером является Гэндальф, чья речь варьируется от фамильярно-разговорной в общении с хоббитами до торжественно-архаичной в моменты произнесения пророчеств или обращения к высоким собраниям.

В сцене, где Гэндальф говорит с Фродо о кольце, его речь относительно проста и прямолинейна:

You have been chosen, and you must therefore use such strength and heart and wits as you have (Tolkien, 2010, p. 60). / *Ты был избран, и потому должен использовать ту силу, сердце и разум, что у тебя есть* (Толкин, 2018, с. 54).

Напротив, в сцене Совета у Элронда речь Гэндальфа приобретает торжественный, почти литургический характер:

The Ring! What shall we do with the Ring, the least of rings, the trifle that Sauron fancies? That is the doom that we must deem (Tolkien, 2010, p. 237). / *Кольцо! Что нам делать с Кольцом, ничтожнейшим из колец, безделицей, о которой мечтает Саурон? Вот судьба, которую мы должны решить* (Толкин, 2018, с. 218).

Повтор слова *Ring* с нарастающей интенсификацией, архаичная конструкция *the doom that we must deem* с аллитерацией (*doom* и *deem*) создают эффект риторической приподнятости, маркирующей переход Гэндальфа в новый регистр. Эта вариативность отражает многомерность персонажа: Гэндальф одновременно является мудрым наставником, способным говорить с хоббитами на их языке, и носителем древнего знания, требующим высокого стиля для выражения пророческих истин. В регистровых терминах переключение между двумя репликами показывает смену конфигурации переменных. В общении с Фродо тональность характеризуется близкой дистанцией, а в сцене совета смещается. При этом поле (обсуждение кольца) остается стабильным.

Аналогичная регистровая вариативность характерна для Арагорна, который говорит по-разному с хоббитами (как наставник и защитник), с Гэндальфом (как равный) и в моменты принятия королевской роли (как наследник древних королей). Эта способность к переключению регистра маркирует Арагорна как персонажа, чья идентичность раскрывается постепенно, по мере приближения к исполнению своего предназначения. Показательным примером такой регистровой вариативности является речь Арагорна в сцене прощания с Эовин и в сцене их последней встречи после победы. В зависимости от коммуникативной ситуации и адресата Арагорн переключается между разными регистрами, что маркирует его идентичность как персонажа, чья роль раскрывается постепенно. В разговоре с героиней Эовин, признающуюся герою в своих чувствах, Арагорн использует местоимение *you*, сохраняя дистанцию и проявляя учтивость:

Few may do that with honour," he answered. "But as for you, lady: did you not accept the charge to govern the people until their lord's return? (Tolkien, 2010, p. 784). / *Мало кто может так поступить с честью, – ответил он. – Но что касается вас, госпожа: разве вы не приняли на себя заботу управлять народом до возвращения их владыки?* (Толкин, 2018, с. 773).

В реплике маркированность прямой речи проявляется на нескольких уровнях. С точки зрения лексики обращение *lady* и конструкция *accept the charge to govern* создают церемониальный регистр, противопоставленный эмоциональной прямоте героини. Отдельно стоит отметить и грамматический уровень. Вариативность местоимения второго лица становится маркером не только вежливости, но и дистанции в разговоре, а использование *you* вместо *thou* сигнализирует о сознательном поддержании этой дистанции. В другом эпизоде романа Эовин, будучи уже обрученной, разговаривает с Арагорном, где он переключается на архаичную форму местоимения *thee*:

I have wished thee joy ever since first I saw thee. It heals my heart to see thee now in bliss (Tolkien, 2010, p. 977). / *Я желал тебе счастья с тех пор, как впервые увидел тебя. Мне отрадно видеть тебя теперь в блаженстве* (Толкин, 2018, с. 969).

Архаичная форма *thee* вместе с глаголом *heals* и существительным *bliss* создает высокий поэтический регистр прямой речи, который, в отличие от предыдущей сцены, не отдаляет коммуникантов, а, наоборот,

сближает их. Регистровый сдвиг и переключение с *you* на *thee* происходит не спонтанно, а именно в связи с изменением социального статуса героини. Аналогичный механизм переключения можно наблюдать и в сцене общения Арагорна под именем странника с хоббитами. В сцене встречи с Фродо в городе Бри читатель видит нейтральный регистр речи с использованием стяженных форм:

"You had better do something quick!" whispered Strider in his ear (Tolkien, 2010, p. 157). / *«Вам лучше что-нибудь предпринять, да побыстрее! – прошептал ему на ухо Страйдер* (Толкин, 2018, с. 152).

Фраза *you'd better* позиционирует его речь как фамильярно-разговорную. Однако после того, как герой раскрывает свое настоящее имя и происхождение, его речь меняется:

"I am Aragorn son of Arathorn; and if by life or death I can save you, I will" (Tolkien, 2010, p. 171). / *«Я Арагорн, сын Араторна, и, если мне нужно будет защищать тебя ценой жизни или смерти, я сделаю это»* (Толкин, 2018, с. 179).

Метафоричное сравнение *by life or by death*, последовательное именование своего происхождения *I am Aragorn son of Arathorn*, а также синтаксический параллелизм *I can save you, I will* показывают героя уже как представителя древнего рода, а не простого странника. Сдвиг проходит по всем трем переменным. Поле меняется от бытовой ситуации к самоидентификации, тональность переходит от фамильярной к торжественной, способ – от стяжения устной речи к развернутой параллельной конструкции.

Особый интерес представляет речевая вариативность героя Сарумана, чья речь демонстрирует способность к мгновенному переключению между «высоким» и «низким» регистрами в зависимости от коммуникативной цели. В сцене у Ортханка Саруман сначала обращается к Теодену с речью, полной архаичных форм и риторических фигур:

But you, Théoden Lord of the Mark of Rohan, are declared by your noble devices, and still more by the fair countenance of the House of Eorl. O worthy son of Thengel the Thrice-renowned! Why have you not come before, and as a friend? Much have I desired to see you, mightiest king of western lands… (Tolkien, 2010, p. 578-579). / *Но вы, Теоден, Владыка Марки Роана, узнаны мною по вашим благородным знакам и ещё более по прекрасному облику Дома Эорла. О достойный сын Тенгеля Триждыславного! Почему вы не пришли раньше, и как друг? Я так желал увидеть вас, могущественнейший король западных земель…* (Толкин, 2018, с. 604).

В данной реплике архаичный эпитеты *Thrice-renowned* и *mightiest king*, инверсия *Much have I desired* и риторическое обращение *as a friend* формируют высокий регистр речи героя. Такой регистр в речи Сарумана не является постоянным: в данном отрывке он ориентирован на конкретного слушателя (короля) с характерной иллокутивной целью лести человеку, стоящему выше по статусу. Вместе со сменой коммуникативной рамки меняется и регистр речи персонажа. Когда Теоден отвергает его предложение, Саруман мгновенно меняет регистр на грубый и оскорбительный:

Gibbets and crows!" he hissed, and they shuddered at the hideous change. "Dotard! What is the house of Eorl but a thatched barn where brigands drink in the reek, and their brats roll on the floor among the dogs? (Tolkien, 2010, p. 581). / *Виселицы и вороны! – прошипел он, и они содрогнулись от отвратительной перемены. – Старый дурак! Что такое дом Эорла, как не крытый соломой сарай, где разбойники пьют в вони, а их отродье катается по полу среди собак?*(Толкин, 2018, с. 578).

Переход от архаичного *O worthy son of Thengel the Thrice-renowned* к разговорному *Dotard!* и грубому *thatched barn* маркирует не просто смену регистра, но обнажение истинной сущности персонажа. Архаизация в первой реплике оказывается маской, инструментом манипуляции, тогда как вторая реплика – «настоящий» голос Сарумана. Употребление героем идиоматических проклятий *Gibbets and Crows!*, построенных на конкретных вещественных образах, контрастирует с обращением из первой реплики *O worthy son of Thengel the Thrice-renowned!* При этом восклицания предвещают последующий образ *thatched barn where brigands drink in the reek*. Лексическое единство семантики «грязи» формирует низкий регистр речи героя. Оба регистра, присущие герою, обладают лексико-тематической когерентностью, и переключение между ними – это переключение между семантическими системами. Особого внимания заслуживает и смена синтаксиса во второй реплике. Риторической вопрос здесь *What is the house of Eorl but a thatched barn where brigands drink in the reek, and their brats roll on the floor among the dogs?* сохраняет ту же фигуру, что и в первой реплике, однако используется для противоположной цели – унижения. Таким образом, регистровая вариативность выполняет характерологическую функцию: она разоблачает персонажа, показывая несоответствие между внешним обликом и внутренней сущностью. Здесь наблюдается смена тональности при общей стабильности поля. Возвышенная окраска первой реплики и сниженная второй образуют две семантические системы, между которыми герой переключается.

Отдельно стоит отметить маркированность социальной дифференциации в мире романа. Диалектная маркированность наиболее ярко представлена в речи Сэма Гэмджи, который говорит на просторечии, противопоставленном «стандартному» языку остальных персонажей:

I know we're going to a place where we shan't be able to get a decent bite to eat, and where we'll have to sleep rough, and all sorts. But I don't mind. I'd go with you, Mr. Frodo, if you was going to the Moon (Tolkien, 2010, p. 383). / *Я знаю, мы идём туда, где нам не удастся прилично поесть и придётся спать под открытым небом, и всё такое. Но я не против. Я пошёл бы с вами, мистер Фродо, хоть на Луну* (Толкин, 2018, с. 378).

Использование *shan't* вместо *won't*, *was* вместо *were* (*if you was going*) и разговорных выражений (*a decent bite to eat*, *sleep rough*) маркирует речь Сэма как просторечную, что контрастирует с «правильной» речью Фродо и других образованных персонажей. Сэм, будучи слугой, говорит на языке, отличном от языка его господина, что отражает социальную структуру общества хоббитов.

Функция социальной дифференциации реализуется и через коллективную маркированность речи целых групп персонажей. Показательна в этом отношении речь орков, которая маркирована на всех уровнях: лексическом, грамматическом и фонетическом:

Hola! Gorbag! What are you doing up here? Had enough of war already? / "Orders, you lubber. And what are you doing, Shagrat? Tired of lurking up there? Thinking of coming down to fight? / Orders to you. I'm in command of this pass. So speak civil. What's your report? (Tolkien, 2010, p. 735). */ Эй! Горбаг! Что ты делаешь здесь наверху? Уже навоевался? / Приказы, ты, сухопутная крыса. А ты что делаешь, Шаграт? Надоело отсиживаться там? Думаешь спуститься и подраться? / Приказы тебе. Я командую этим перевалом. Так что говори вежливо. Какой у тебя отчёт?* (Толкин, 2018, с. 699).

Речь орков маркирована через грубые обращения *you lubber*, повелительные конструкции (*Orders, you lubber, So speak civil*), а также инвективы *you lubber* и сниженную лексику *Tired of lurking up*. В отличие от речи эльфов, где архаизация создаёт эффект вневременности, речь орков маркирована как «испорченная», деградировавшая. Эта коллективная маркированность противопоставляет орков всем остальным народам Средиземья: их речь лишена индивидуальных различий, что отражает их подчинённое положение в иерархии и отсутствие идентичности. Таким образом, вариативность прямой речи может маркировать не только отдельных персонажей, но и целые группы, создавая коллективные портреты.

Систематизация примеров позволяет выделить несколько функций вариативности прямой речи в романе. В первую очередь можно выделить функцию дифференциации в рамках социумов. Речь персонажей маркирована в соответствии с их социальным статусом. Если для хоббитов характерны просторечия, то эльфам и Арагорну приписываются архаичные формы, в то время как некоторые герои, например, Гэндальф, демонстрируют широкий регистровый диапазон. Такая дифференциация отражает структуру вымышленного мира автора: хоббиты занимают низшее положение, в то время как эльфы и люди – высшее. При этом использование архаичной лексики в речи героев не только маркирует их статус, но и создает общую картину исторического и эпического фэнтези, что свидетельствует о ее нарративной функции. Пример другого героя – Голлума, – чья речь маркирована графически и грамматически, показывает образ существа с расщепленным сознанием, что позволяет говорить о том, как маркированность указывает на формирование идентичности персонажа. Также можно говорить о влиянии маркированности прямой речи на восприятие романа как жанра эпического фэнтези в целом. Совмещение бытового, высокого и низкого регистров речи показывает разные социальные и культурные слои вымышленного мира, что отсылает к эпической традиции произведений, таких как скандинавские саги и «Беовульф». Маркированность прямой речи становится и инструментом жанровой игры, позволяющей автору работать в рамках эпической традиции. Разные уровни маркированности прямой речи образуют систему, в которой каждый уровень усиливает и дополняет другие. Взаимодействие всех уровней позволяет автору создавать многомерные речевые характеристики персонажей, каждый из которых обладает уникальным набором черт.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Уточнено содержание понятий маркированности прямой речи и вариативности ее регистров в художественном тексте, а также проведено разграничение их по уровню обобщения. Установлено, что маркированность является свойством отдельной речевой единицы, она сигнализирует об отклонении реплики, словоформы или конструкции от нейтрального, нулевого способа выражения и может быть описана через оппозицию «маркированный и немаркированный член». Вариативность же представляет собой свойство системы. Она предполагает наличие набора вариантов, распределение которых подчинено коммуникативным и стилистическим закономерностям. Это имеет принципиальное значение для анализа прямой речи в романе. Маркированность отвечает на вопрос, чем данная реплика выделяется на фоне нормы, тогда как вариативность – как эти маркированные единицы соотносятся друг с другом в пределах речевого репертуара персонажа, группы или всего текста. Таким образом, маркированность характеризует единицу, вариативность – систему, а их взаимодействие обеспечивает механизм речевой характеризации. В терминах регистровой модели это разграничение соответствует различению уровня языковых средств и уровню ситуативно обусловленных выборов. Маркированность характеризует наблюдаемые формы, вариативность описывает конфигурации поля, способа и тональности, стоящие за формами.

В ходе анализа маркеров прямой речи разных уровней выявлено, что уровень маркированности коррелирует с типом персонажа. Графическая и фонетическая маркированность закрепляется преимущественно за персонажами и затрагивает способ. Лексико-грамматическая архаизация является особенностью персонажей-носителей древних традиций и характеризует поле. Стилистическая маркированность, реализуемая через регистровые переключения, характерна для персонажей-медиаторов (Гэндальфу, Арагорну и Саруману) и предполагает смену все трех переменных. Это показывает, что вариативность прямой речи в романе распределена не хаотично, а системно; уровень маркированности определяется не только стилистическим замыслом автора, но и местом конкретного персонажа в социальной иерархии мира.

Анализ вариантных стратегий речевых характеристик персонажей показал, что вариативность в романе реализуется в двух направлениях. В первую очередь она проявляется между отдельными персонажами, формируя социальную и культурную дифференциацию. Если отдельные хоббиты говорят на просторечии, то эльфы

и Арагорн используют архаичные формы, а орки маркированы через сниженный регистр речи. Также вариативность реализуется и в способности отдельных героев переключать регистр в зависимости от коммуникативной ситуации: Гэндальф варьирует речь от фамильярно-разговорной в общении с хоббитами до торжественной в моменты произнесения пророчеств; Арагорн переключается в зависимости от социального статуса своего собеседника или необходимости самоидентификации; Саруман меняет речь с изменением иллокутивной цели своего высказывания. Существенно, что такой режим вариативности характерен именно для персонажей-медиаторов, тогда как у персонажей вне социума и у коллективных групп вариативность принимает форму осцилляции, либо отсутствует вовсе. Способность к таким переключениям является маркером нарративной роли персонажа. Если говорить о метафункциях языка, социальная дистанция и культурная идентификация реализуются через межличностную метафункцию, самоидентификация героя добавляет текстуальную, а жанровое единство – идеационную.

Систематизация функций маркированности прямой речи и вариативности ее регистров позволяет сделать вывод об их системообразующей роли в организации повествования. Выявлено, что маркированность и вариативность выполняют комплекс функций: социальной дистанции, формирующей иерархию мира; культурной идентификации, маркирующей принадлежность к древней традиции; самоидентификации героя, реализуемой с помощью переключения регистров; жанрового единства, отсылающего к эпическим произведениям древнего эпоса. Через эти функции конструируется нарративная система вымышленного мира романа. Это подтверждает предложенную гипотезу о том, что в совокупности маркированность прямой речи и вариативность ее отдельных регистров являются системным элементом идиостиля автора как набор регистровых выборов, в которых маркированность отдельной реплики и вариативность регистров соотносятся как единица и система.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением изучаемого материала. Представляется продуктивным сопоставительный анализ маркированности прямой речи в других работах автора («Хоббит», «Сильмариллион»), что позволит выявить эволюцию его работы с речевой характеризацией. Кроме того, перспективным направлением является исследование частотности различных типов маркеров в речи отдельных персонажей с применением количественных методов.

Материалы исследования | Research materials

1. Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец / пер. с англ. В. Каррика. М. Каменкович. М.: АСТ, 2018.
2. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. L.: HarperCollins e-books, 2010.

Источники | References

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Изд-е 2-е, перераб. Л.: Просвещение, 1981.
2. Дорофеев Ю. В. Вариантность русского языка как необходимое условие его развития // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-13-209-223
3. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. Изд-е 6-е, стер. М.: Флинта; Наука, 2016.
4. Мельчук И. А. Курс общей морфологии: в 4 т. / пер. с фр. Н. Н. Перцовой, Е. Н. Саввиной. М. – Вена: Языки русской культуры, 1997. Т. I: Введение. Ч. 1: Слово.
5. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2.
6. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Изд-е 2-е / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона. М.: Аспект Пресс, 2000.
7. Якобсон Р. О. Избранные работы / сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева; предисл. Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1985.
8. Croft W. “Markedness” and “Universals”: From the Prague School to Typology // Multiple Perspectives on the Historical Dimension of Language / ed. by K. R. Jankowsky. Münster: Nodus Publikationen, 1996.
9. Greenberg J. H. Language Universals, with Special Reference to Feature Hierarchies. The Hague: Mouton, 1966. https://doi.org/10.1515/9783110899771
10. Halliday M. A. K., Hasan R. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1989.
11. Kosheleva D., Janda L. A. Why markedness is always local: the case of Russian aspect // CogniTextes. 2023. Vol. 24. Art. 2158.
12. Kullmann T., Siepmann D. Tolkien as a Literary Artist: Exploring Rhetoric, Language and Style in The Lord of the Rings. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69299-5
13. Leech G. N., Short M. H. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. 2nd ed. Harlow: Pearson Longman, 2007.
14. Liu C. Register Variation in the New Testament Petrine Texts. Leiden – Boston: Brill, 2022.
15. Mansfield J., Leslie-O’Neil H., Li H. Dialect differences and linguistic divergence: A crosslinguistic survey of grammatical variation // Language Dynamics and Change. 2023. Vol. 13. № 2.

16. Shippey T. J. R. R. Tolkien: Author of the Century. L.: HarperCollins, 2001.
17. Simpson P. Language, Ideology and Point of View. L. – N. Y.: Routledge, 1993.
18. Vandelanotte L. Deixis and Grounding in Speech and Thought Representation // Journal of Pragmatics. 2004. Vol. 36. № 3.
19. Weber T., Kopf K. Free variation, unexplained variation? // Free Variation in Grammar: Empirical and theoretical approaches / ed. by K. Korf, T. Weber. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2023. https://doi.org/10.1075/slcs.234.01web
20. Weinreich U., Labov W., Herzog M. Empirical Foundations for a Theory of Language Change // Directions for Historical Linguistics: A Symposium / ed. by W. P. Lehmann, Y. Malkiel. Austin: University of Texas Press, 1968.

Информация об авторах | Author information

RU

Горбенко Елизавета Сергеевна[1]
[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

EN

Elizaveta Sergeevna Gorbenko[1]
[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

[1] *1042260442@rudn.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.10.2026; опубликовано online (published online): 27.11.2026.

Ключевые слова (keywords): маркированность прямой речи; вариативность; регистры речи; речевая характеристика; речевой портрет; markedness of direct speech; variation; speech registers; speech characterization; speech portrait.